

Николай Леонов, Алексей Макеев

Идеальный маньяк

Часть сборника
Идеальный маньяк (сборник)

Алексей Викторович Макеев
Николай Иванович Леонов
Идеальный маньяк
Серия «Полковник Гуров»
Серия «Черная кошка»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6569358

Алексей Макеев, Николай Леонов. Идеальный маньяк : Эксмо; Москва;

2014

ISBN 978-5-699-69047-3

Аннотация

Полковникам Гурову и Крячко поручают дело об убийстве молодой женщины, тело которой было найдено в парке недалеко от фитнес-клуба «Идеал». Сыщики начинают расследование и очень скоро выясняют, что в этом же парке полгода назад было совершено еще два нападения на женщин, причем обе жертвы были клиентками «Идеала». Очевидно, что в районе орудует серийный маньяк. Под подозрение в первую очередь попадают работники и посетители фитнес-клуба, но главными подозреваемыми становятся хозяйка спортивного центра Эмма Гришаева и ее любовник Борис Полищук, которые явно что-то скрывают и вообще ведут себя очень странно...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	29
Глава 3	54
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Алексей Макеев, Николай Леонов Идеальный маньяк

Глава 1

Осень пришла в Москву... Пришла неожиданно, резко, со всеми сопутствующими ей особенностями: пронизывающим ветром, холодом, дождем, растекающимися ручьями, большими лужами и грязью. Осень пришла пару недель назад, в конце октября, не дав толком насладиться ни последними короткими деньками бабьего лета, ни красно-желтым периодом, именуемым почему-то «золотым», ни листопадом... Словно скрыла все хорошее, что в ней имелось, запрятала глубоко, взамен подсунув слякоть, сырость и унылое настроение. Казалось, все приятное и светлое ушло безвозвратно, создавалось ощущение какой-то безысходности, которое особенно усиливалось при взгляде в окно.

Полковник Станислав Крячко иной раз днем в него и поглядывал в тайной надежде обнаружить хоть лучик света сквозь затянутое серо-фиолетовыми тучами небо, ощутить частичку тепла. Ему было откровенно скучно, грустно и вообще муторно на душе. Отчего? Да от всего! И оттого, что

погода не радовала; и оттого, что сын снова валял дурака перед сессией, вместо того чтобы готовиться к экзаменам, и ему в очередной раз маячила перспектива вылета из института и отправка в армию; и оттого, что по этой причине Станислав опять поругался с женой, которая не преминула ему напомнить, каким шалопаем он сам был в период юности. Крячко упорно не желал напрягать память и вызывать в ней неприятные воспоминания, как и соглашаться с женой, что подобное времяпрепровождение можно считать нормальным для молодого человека. А больше всего раздражало то, что сынок на все замечания и предостережения Станислава лишь отмахивался и даже посмеивался, отделяваясь беспечной фразой «Да все нормально, па!». Подобное легкомыслие злило Крячко больше всего, и он, про себя посылая свое семейство куда подальше, не мог дождаться момента, чтобы поехать на работу.

Последнее время он выходил из дома за два часа до начала рабочего дня, приходил в холодный кабинет еще затемно, садился за стол и... обнаруживал, что и здесь ему особо нечем заняться, к тому же все раздражает. И сегодняшний день не стал исключением – дождь лил, отопление не включили, и Станислав первым делом врубил обогреватель на полную катушку и повесил мокрую, потемневшую от воды куртку прямо на него, хотя их с Гуровым непосредственный начальник и давний друг генерал-лейтенант Петр Николаевич Орлов запрещал подобные манипуляции строго-на-

строго, не раз предупреждая, что это может окончиться пожаром. Но Крячко, который и так-то привык игнорировать многие замечания и пожелания Орлова, сегодня, сердитый на весь белый свет, и вовсе не думал к ним прислушиваться.

В кабинете было сумрачно, но Станислав не стал зажигать свет. Вместо этого он включил радиоприемник, настроив его на любимую волну, и сделал звук умеренным. Затем придвинул стул, сел и, сняв ботинки, вытянул ноги поближе к обогревателю. Кабинет довольно быстро прогрелся, влажные носки тоже стали подсыхать, по телу начала разливаться приятная теплота.

«Осень пришла в Москву... Дождь придавил листву...» – сообщал приемник лирическим голосом Александра Иванова.

Меланхоличная песня лилась, убаюкивала, Станислав прикрыл глаза, слегка покачивая ногой в такт, и подумал, что в жизни есть и приятные моменты...

Музыка становилась тише, глуше, она убаюкивала. Картинка, нарисованная его воображением, становилась все реальнее и отчетливее. Он даже ощутил запах угольков от печки и завозился, пытаясь натянуть на себя брошенный на спинке кресла форменный пиджак и представляя, что это домашний плед.

«Осень пришла в Москву...» – тихо мурлыкал у него в голове привязавшийся мотивчик.

– Сюда! Сюда! Живо! – Резкий окрик, раздавшийся словно прямо над ухом, оглушил Крячко, вырвал его из теплой сказки в самый неподходящий момент, своим бесцеремонным вторжением нарушив всю гармонию с миром, которую полковник было обрел. А следом раздался оглушительный грохот.

Крячко, ничего не понимая, вскочил и ошалело заметался по кабинету. Не до конца проснувшись, он с трудом ориентировался в привычном месте. Потом понял, что ориентироваться мешает не столько его сонное состояние, сколько густой дым, заполнивший пространство. Дым валил откуда-то из центра кабинета, распространяя вместе с клубами едкий запах гари, от которого щипало глаза. Остановившись, Крячко понял, что это горят вовсе не дровишки из его сна, а его куртка, столь опрометчиво оставленная на обогревателе.

Крячко одним прыжком достиг обогревателя, сдернул куртку, бросил на пол и, схватив с полу ботинки, принялся ими по ней колотить. Затем, обмотав руку первой попавшейся тряпкой, схватил шнур обогревателя и выдернул его из розетки. Одновременно с этим распахнулась дверь кабинета, которую он запер изнутри, дабы никто не мешал ему целый час наслаждаться одиночеством, и в кабинет ввалились несколько человек.

– Выключатель лучше не трогать, – послышался голос, и следом яркий луч ударил Станиславу в лицо, отчего Крячко невольно заслонил глаза рукой.

Стоя в центре комнаты, он ошарашенно взирал на людей в форме пожарных, один из которых светил ему прямо в лицо фонариком. За спинами пожарных робко выглядывал дежурный, сержант Костя Летицкий. Крячко, уже успевший сообразить, что из-за своего легкомыслия устроил пожар в кабинете и это явилось поводом для вызова пожарных, теперь, устранив все последствия, стремительно обретал уверенность. Огромный опыт и полковничьи погоны приучили его не теряться ни при каких обстоятельствах, быстро брать себя руки.

– Так, что тут происходит? – начальственным голосом рыкнул он, вращая глазами. – Что за переполох? Дежурный!

– Так это... Пожар, товарищ полковник, – подал голос Костя. – Я запах почуял, потом дымок потянулся, я сюда и побежал. Стучал в дверь, звал, а никто не открывал. Я подумал, с вами случилось что-то, пожарную команду вызвал...

– Ты бы еще бабушку свою вызвал! – рявкнул Крячко, крайне недовольный действиями дежурного.

Эти действия, по сути правильные и своевременные, привели к тому, что Крячко сейчас оконфузился. Он нарушил запрет начальства и явился виновником пожара, о возможности которого его предупреждали. Да даже и без этих предупреждений от своей вины никуда не денешься.

– Так что, ложный вызов? – хмуро спросил один из пожарных, стоявший первым и державший наготове брандспойт.

– Огнетушителем обработать на всякий случай? – пред-

ложил еще один, вскидывая баллон, но Крячко мгновенно пресек его намерения.

– Никакого огнетушителя! – категорично заявил он. – Как и никакого ложного вызова! Пожар устранен собственными силами, а вам, господа пожарные, огромное спасибо за оперативность. Вы сработали четко и профессионально. Разрешите лично позвать каждому из вас руку и поблагодарить от имени всего УВД!

И Крячко, подойдя к каждому из пожарных, с достоинством пожал их руки в рабочих перчатках. Те встретили рукопожатие сдержанно, и причины этого Станиславу были понятны. Как бы он ни разыгрывал начальственную роль и ни заговаривал им зубы, эти ребята не вчера родились и провести их было сложно. Но все-таки можно...

Крячко уже окинул беглым взглядом кабинет и отметил, что ущерб нанесен не такой уж большой. Разве что некрасивое пятно на покрытом ламинатом полу – причем покрытием совсем недавно, на средства, которые Орлов выделил на ремонт их кабинета из кассы. Собственно, больше всего пострадала куртка Крячко, которую он еще толком не осматривал и просто мял в руках. Но как ни крути, а вызов пожарных проигнорировать не удастся. Эти огневики точно потребуют возместить их затраты на дорогу...

«Одни бабки у всех на уме!» – с раздражением подумал Крячко.

Платить не хотелось. И Крячко мучительно выискивал в

голове выход из неприятной ситуации. Пытаться сейчас свалить пожар на нелепую случайность было бессмысленно – пожарных не волновали причины. Еще меньше хотелось валить все на ни в чем не повинного молоденького дежурного и делать его козлом отпущения. Это было бы недостойным поступком, и полковник Крячко никогда не прибегал к подобным методам. Нужно было выкручиваться самому.

«Включать дурачка» Крячко умел виртуозно, при этом обладая крепким практическим умом и хитринкой. Вот и сейчас он смекнул, что нужно на ходу умело изобразить наивность, но не переиграть и не перегнуть палку.

– Ребята, раз уж вы приехали, то, может быть, проверите состояние пожарной безопасности в нашем учреждении? – самым искренним тоном попросил он. – Вы же все равно делаете это регулярно.

Пожарные переглянулись. Дежурный Костя Летицкий в первую секунду даже рот раскрыл, обомлев от крячковской наглости, но Станислав незаметно показал ему кулак, после чего так же незаметно подмигнул, и Костя решил не высываться. Связываться с начальством себе дороже, подумал он.

– Так только в прошлом месяце же проверяли, – заметил один из пожарных. – Срок еще не подошел.

– Ну так что с того? – мгновенно подхватил Крячко, после чего назидательно поднял указательный палец: – В этом деле, ребята, как говорится, лучше перебдеть, чем недобдеть! Понимаете, ведь это вот хорошо, что сегодняшней... м-м-

м... эпизод завершился столь удачно благодаря тому, что я вовремя среагировал! А ведь могло быть и по-другому! Нам нужно радоваться, что сегодня удалось избежать пожара. У нас же с вами общие интересы, и они заключаются даже не в том, чтобы потушить пожар – что, безусловно, похвально, – а в чем?

Крячко смерил пожарных многозначительным взглядом и тут же сам ответил:

– Правильно! В том, чтобы его пре-дот-вра-тить! Что и было сегодня с успехом сделано совместными усилиями! И это еще раз доказывает высокий профессионализм – как ваш, так и сотрудников УВД, – добавил он, из скромности не конкретизируя, кто именно. – Так вот, всегда лучше проявить инициативу и заранее принять меры безопасности! Как говорят врачи, легче не лечить заболевание, а предупредить его. И хотя проводка в кабинете у нас недавно была заменена, – поспешно продолжил Крячко, видя, что один из пожарных собирается напомнить ему об этом, – никогда не лишне позаботиться и все еще раз проверить! Уверен, что вы тоже, как и я, и прочие сотрудники УВД, только за усиление мер пожарной безопасности!

Сделав такой ловкий психологический маневр, Крячко наконец умолк и выжидающе уставился на пожарную команду. Огнеборцы, конечно, в душе понимали, что их банально попытались взять на «слабо», но возражать против усиления мер пожарной безопасности не решились.

– Ладно, господин полковник, – усмехнувшись, произнес тот, что стоял первым, снимая с головы шлем. – Показывайте, где тут у вас все пожароопасные места.

Крячко с готовностью закивал, но что-то в облике пожарного его смутило: то ли тон его, несколько снисходительный, то ли вид, но этого было достаточно, чтобы полковник, поспешивший было к дверям, остановился и пристально всмотрелся в лицо пожарного.

– Сашка! – вдруг не очень уверенно воскликнул он. – Сашка! Агафонов! – радостно заорал Крячко уже во весь голос.

– Ну да, – улыбнулся тот. – Он самый.

– Тьфу ты, мать честная, а я тебя сразу и не узнал! – хлопнул себя по лбу Крячко.

– Ну где ж тебе меня в шлеме-то узнать. А я тебя узнал сразу. Ты, надо сказать, почти не изменился.

– Да ладно, скажешь тоже! – махнул рукой Крячко. – Сколько лет-то прошло с тех пор, как мы в школе милиции учились?

– Лет тридцать, пожалуй, – почесал голову Агафонов.

– А ты же потом тоже в мент... в милиции служил, верно? – наморщил лоб Станислав.

– Да, десять лет отработал. А затем вот в пожарные подался. С детства тянула меня всегда эта профессия. Но пошел служить в милицию, и вдруг судьба все-таки повернулась так, что уже десять лет с огнем играю, – пошутил Ага-

фонов.

– Отлично, отлично! – одобрительно проговорил Крячко, подмигивая давнему приятелю. – Мечты, значит, не только в «Газпроме» сбываются, а?

– Не только, – согласился Агафонов.

– Конечно, а то бы совсем несправедливо было! Почему одним все, а другим ничего? Мечты должны сбываться! Особенно детские! Слушай... – Крячко покосился на напарников Агафопова, потом перевел взгляд на дежурного, мгновенно принял решение и распорядился:

– Так, Костя. Ну ты веди ребят, показывай, что у нас и как. Хотя вы же не в первый раз у нас, должны ориентироваться?

– Да уж не беспокойтесь, сориентируемся, – заметил один из пожарных, вопросительно глядя на Агафопова.

– Ступайте, ребята. Я тут задержусь немного. Видите, старого друга встретил.

– Еще какого друга! – поднял палец Крячко. – Помнишь, как мы с тобой на практике патрулировали? Порядок на улицах обеспечивали, а? И ведь обеспечивали же! Был он тогда, порядок-то, несмотря на то, что мы с тобой зелеными сержантами были, вот не хуже Кости...

Костя Летицкий, покраснев, что-то пробормотал себе под нос.

– Что говоришь, Костя? – ласково окликнул его Крячко.

– Я говорю – служу России, товарищ полковник, – не обращившись, отозвался Летицкий и вместе с пожарными вы-

шел в дверь.

– Вишь, обижается! – кивнул ему вслед Крячко. – А нечего обижаться, все мы когда-то салагами были. Приходилось и в дождь-мороз на посту стоять, и под солнцепеком с автоматами бегать, и у начальства на побегушках быть... Да много чего приходилось! А в двадцать с небольшим стыдиться сержантского звания – значит никогда не заслужить генеральского!

Все это Крячко говорил вроде бы сам себе, как бы делаясь с Агафоновым, но при этом достаточно громко, так, чтобы при умышленно незакрытой им двери его мог слышать и Костя Летицкий. Едва же вся компания удалилась из зоны слышимости, Крячко тут же закрыл дверь кабинета и произнес заговорщицки:

– Слушай, такую встречу нельзя пропустить! У тебя вообще как со временем?

– Да я вообще-то на службе, – заметил Агафонов.

– Так и я на службе! – хохотнул Крячко. – Я, брат, на этой службе уже третий десяток лет нахожусь! И могу тебе со всей ответственностью опытного ветерана заявить, что ничего с этой службой не случится оттого, что она денек обойдется без нас...

– Ну не знаю... – с сомнением протянул Агафонов. – А если срочный вызов? Меня старшим группы назначили.

– Молодец! – тут же отреагировал Крячко. – Значит, можешь сам распоряжаться своим временем!

– У нас работа другая, – улыбнулся тот. – Не кабинетная, как у тебя. – Он обвел взглядом помещение.

– Ха! А ты думаешь, я тут целыми днями штаны протираю! – возмутился Станислав. – Да если бы ты знал, сколько мне приходится ноги бить! Работа со свидетелями, оперативно-розыскные мероприятия, погони, драки... – принялся загибать он пальцы. – А мне, между прочим, уже не двадцать лет. И даже не тридцать. Хотя, откровенно тебе скажу, меня не так убивает вся эта беготня, как бумажная волокита и разные бюрократические заморочки. Планерки, например, ежедневные, которых я терпеть не могу. Кстати... – Крячко бросил взгляд на часы и поспешно сказал:

– Вот сейчас как раз очередная должна начаться! Слушай, Саша, я, пожалуй, с тобой поеду! В порядке, так сказать, набора опыта, расширения кругозора и повышения квалификации!

Агафонов усмехнулся, лукаво посмотрев на Крячко.

– Что, чует кошка, чье мясо съела, да? – улыбнулся он.

– Ты о чем это? – притворно нахмурился Крячко. – Просто у меня здесь сегодня все равно срочных дел нет. А мы могли бы с тобой пораньше с твоей службы уйти. Если что, я тебя отпрошу. В помощь следственным органам, – пообещал он.

Агафонов подмигнул ему в ответ, после чего протянул широкую ладонь и шепнул:

– Заметано!

Когда они шли по коридору, навстречу им своей легкой, пружинящей походкой шел полковник Лев Гуров.

– Лева, привет! – широко улыбнулся Крячко, протягивая ему руку.

– Привет, – Гуров торопливо пожал ее. – Слушай, Станислав, что тут у нас происходит? Почему пожарных целая толпа?

– Да ерунда, – беспечно произнес Крячко. – Так, ложная тревога. А пожарные просто проверяют технику безопасности... А это мой давний приятель Саша Агафонов, он их возглавляет. Знакомьтесь! Саша, а это вот Лев Иванович Гуров, тоже полковник и опер по особо важным делам. Фигура, можно сказать, у нас в главке выдающаяся! Да и не только в главке! Лучший сыщик столицы, а также всех времен и народов после Шерлока Холмса и Ниро Вульфа!

Гуров кивнул Агафонову и обменялся с ним рукопожатием. Затем очень внимательным взглядом окинул Крячко с головы до ног. Он слишком давно и хорошо знал своего друга. И невинное выражение лица Крячко и его частое моргание сейчас убедили Гурова, что подозрения его не напрасны...

– Отойдем-ка в сторонку, – Гуров легонько подтолкнул Крячко.

– Я на минутку, – важно бросил Станислав Агафонову. – Кое-какие дела с коллегой обсудить надо...

– Слушай, Стас, – понизив голос, сказал Гуров, когда они

отошли в конец коридора. – Давай-ка выкладывай начистоту – что тут произошло? И не вздумай мне лапшу вешать, я для твоей же пользы спрашиваю. Мне уже Петр звонил, его самого на уши поставили, просил меня приехать побыстрее и разобраться. Так что пока он не нагрянул – говори как на духу, чтобы я знал, как тебя отмазывать.

Крячко набрал в легкие побольше воздуха.

– Понимаешь, Лева... – жалобным голосом начал он.

В течение добрых трех минут Станислав рассказывал о своих утренних зловключениях, не забыв упомянуть жестокосердных жену и сына, а также пройтись по «допотопному обогревателю, которому давно место на помойке». В итоге картина вырисовывалась вроде бы и правдивая, но преподнесенная таким образом, что во всем виноват был кто угодно, от генерал-лейтенанта Орлова и коммунальных служб, вечно запаздывающих с включением отопления, до Господа Бога, пославшего дождь. То есть картина вышла такой, какой «рисовавший» ее Крячко видел.

Гурову хватило бы и нескольких слов, чтобы понять, как все обстояло на самом деле.

– Ясно, – прервал он Крячко, когда тот с особым смаком описывал, как ловко и быстро выдернул шнур и предотвратил пожар. – Мой стол с компьютером, надеюсь, целы?

– Аки пасхальное яичко! – заверил Крячко. – Я тут и с пожарными вопрос утряс. Сейчас они у нас пожарную безопасность проверят в срочном порядке и убудут восвояси. Да

уже, поди, закончить должны. Так что передай Петру, что все в ажуре. А подробности ему знать не обязательно. А я, с твоего позволения, тебя покину. Товарища встретил, с которым еще в юности посты топтал. Святое дело, сам понимаешь!

– Думаю, ты покинешь наше прославленное здание и без моего позволения, – усмехнулся Гуров. – И думаю, что это самое правильное в данной ситуации – не стоит тебе Петру на глаза показываться. Так что давай пулей отсюда!

– Так точно, товарищ полковник! – гаркнул Крячко и поспешил к лестнице, где его дожидался Агафонов.

Подхватив его под руку, Станислав потащил приятеля вниз, слишком старательно перебирая ногами. Однако бегство не удалось. Едва они оказались на улице, как к зданию УВД подкатил хорошо знакомый Крячко автомобиль «Форд».

– Тьфу ты, принесла же нелегкая! – в сторону пробормотал полковник.

«Форд» припарковался, и из него с озабоченным видом показался Петр Николаевич Орлов, заведующий главком и непосредственный начальник Гурова и Крячко.

Однако не только это обстоятельство испортило настроение Станиславу. Он успел заметить, что возле крыльца главка толкуются шустрые люди в куртках и с камерами наперевес. Да даже без камер по их поведению было понятно, что это журналисты. Крячко не любил писательскую братию, называл ее сборщиками сплетен и бездельниками, наживаю-

щимися на чужой беде. И всегда норовил ускользнуть от общения с представителями этой профессии, готовыми поймать его коллег в самый неподходящий момент и сбить с толку своими каверзными вопросами, дабы потом тиснуть в газетенке статейку, не имеющую ничего общего с реальностью. Вот и сейчас Крячко заметил, что при появлении Орлова журналисты дружно вскинули свои камеры, сгруппировались и приготовились к «охоте».

– Станислав, что случилось? – шагнул навстречу Крячко Орлов. – Мне позвонили из газеты, сказали – здание ГУВД горит! Меня чуть инфаркт не хватил!

– Врут, как обычно, Петр Николаевич! – категорично заявил Крячко. – Нет никаких жареных новостей, вот и придумывают на ходу. Писаки! – Он презрительно сплюнул.

Орлов недоверчиво посмотрел на него, потом вскинул голову вверх. Здание Главного управления внутренних дел выглядело как обычно, никакого дыма, копоти, а уж тем более огня не наблюдалось. Крячко тоже казался уверенным в себе и даже бравым, что еще больше убедило Орлова, что тревога, скорее всего, ложная. Внутренне он принял это обстоятельство с облегчением, однако решил все-таки до конца прояснить ситуацию у Крячко. Однако Станислав, взяв инициативу в свои руки, не собирался ее упускать.

– Эй, граждане с огнеметами! – насмешливо обратился он к журналистам. – Чего столпились? Не мешайте работать!

К ним тут же подскочил какой-то шустрый корреспондент

и быстро затараторил в микрофон:

– Поступили сведения, что сегодня, десятого ноября, в здании Главного управления внутренних дел Москвы начался пожар. Прибыла пожарная бригада. В настоящее время мы беседуем с сотрудниками данного учреждения, в том числе с его главой. Как вы можете прокомментировать это обстоятельство?

И он ткнул микрофон чуть ли не в лицо Крячко. Остальные журналисты сгрудились позади и выставили микрофоны. Станислав, который терпеть не мог подобного панибратства, напряг голосовые связки и зычным голосом прококетал:

– Я могу это прокомментировать как ложные слухи, распускаемые недобросовестными работниками пера! Вместо того чтобы писать о действительно важных и, главное, правдивых новостях, они распространяют вымышленные сведения, которые иначе как сплетнями не назовешь! Таким горе-работникам должно быть стыдно за свое поведение, а если они этого не понимают, то администрации главка придется привлечь их к ответственности за клевету!

Произнеся это, Крячко демонстративно протянул руку и нажал кнопку, выключая микрофон. Он был горд собой. Вообще-то Станислав не слишком владел стилистикой и культурой речи. Когда, к примеру, нужно было подготовить отчет о проделанной работе для начальства – опус, в сущности, не требующий особой витиеватости и сложных синтаксических

конструкций, – Крячко возился с ним так долго, что казалось, он сочиняет какое-то масштабное эпическое произведение. Когда жеopus был готов, оказывалось, что он включает в себя десять-пятнадцать строчек, перечитывая которые генерал-лейтенант всякий раз хватался за голову и глотал корвалол, а дежурные сержанты покатывались со смеху, если им в руки попадали эти эпистолярные образчики. А уж если предстояло сделать доклад и лично зачитать его, Крячко впадал в такой ступор, что порой даже спешно уходил на больничный.

Но порой в нем неожиданно просыпался оратор. Это происходило помимо воли и желания Станислава и обычно в такие минуты, когда от его речи зависела его собственная судьба. Тогда Станиславу казалось, что его язык существует как бы отдельно от него самого, выстраивая столь сложные синтаксические конструкции и произнося слова, которых Крячко в обычной жизни сроду не употреблял. На вопросы Гурова, как это он умудряется так преображаться, Крячко лишь разводил руками, не в силах объяснить данный феномен. И вот сейчас, кажется, произошел именно такой момент перевоплощения.

Вся журналистская братия, ошарашенная вдохновенным выступлением полковника, как-то потухла и торопливо принялась выключать свою аппаратуру. Крячко был уверен, что теперь ничего из записанного не попадет в газеты. И точно: все газетчики как-то быстро, буквально на глазах, рассоса-

лись по машинам и разъехались. На пороге главка остались только Крячко с Агафоновым да Петр Николаевич Орлов, который был еще слишком растерян и не понимал, радоваться ли ему случившемуся или огорчаться.

– Вот так, Петр, – довольный собой, проговорил Крячко. – Таких сразу на место ставить надо. Пожарные, понимаешь, приехали, чтобы технику безопасности проверить в плановом порядке, а они тут навывдумывали бог знает чего! Вот, кстати, – заулыбался он, – товарищ мой, друг юности, можно сказать! Руководитель пожарной команды Саша Агафонов, он тебе подтвердит, что так оно все и было!

Агафонов кивнул, поймав взгляд Орлова, и сказал:

– Все в порядке, товарищ генерал-лейтенант. Никаких неполадок не обнаружено, можете спокойно работать.

– Спасибо большое, – только и смог ответить Орлов.

– Петр, я отъеду вместе с ребятами, – не давая ему опомниться, затараторил Крячко. – Все дела я Леве передал, он перед тобой отчитается. А я хочу, пользуясь случаем, провести день среди пожарных. По обмену, так сказать, опытом. А то от сидячей работы у меня уже шея болит! Меня до вечера не будет. Пока!

И Крячко, махнув Орлову рукой, быстро двинулся между припаркованных возле главка машин, таща за собой Агафопова. Орлов постоял некоторое время в задумчивости, потом покачал головой, щелкнул пультом, ставя машину на сигнализацию, и направился в родную вотчину – здание Главного

управления внутренних дел.

Однако перед тем как направиться в свой кабинет, Орлов для начала решил навестить Льва Гурова. Поведение Крячко хоть и выглядело впечатляющим, все же казалось ему ненатуральным, и Орлов решил удостовериться в том, что все в порядке, справившись у более надежного источника.

В коридоре перед дверью одного из кабинетов Орлов заметил какого-то мужчину, сидевшего на стуле явно в напряжении: спина его была неестественно прямой, в руках он сжимал какой-то сверток. Вид у мужчины был интеллигентным, но при этом несколько нелепым: хорошо сшитый серый с отливом костюм сидел на нем мешковато, очки в черной оправе сползли набок, и мужчина постоянно их поправлял. Черные с проседью волосы, правда, были подстрижены аккуратно, а вот торчащая клинышком борода ухоженной не выглядела.

Заметив Орлова, тот сделал неуловимое движение в его сторону, словно хотел что-то спросить, но передумал и снова застыл на стуле. Орлов, занятый своими мыслями, подошел к двери кабинета, общего для Гурова и Крячко, и уже взялся за ручку, как вдруг сзади его окликнули:

– Простите, можно вас на минуточку?

Орлов обернулся. Мужчина, сидевший на стуле, теперь поднялся и сделал пару шагов ему навстречу. В руках он нервно мял какой-то листок. Теперь Орлов увидел, что незнакомец худ как палка.

– Прошу прощения, вы ведь... генерал, судя по погонам?

– Генерал-лейтенант, – поправил мужчину Орлов, чем, кажется, еще больше смутил человека.

– Да-да, – пробормотал тот смущенно. – Простите, я человек гражданский.

«Чего это он все извиняется?» – подумал Орлов, а вслух нетерпеливо спросил:

– Так что вы хотели?

– Я, собственно, хотел просто спросить у вас... Как у начальника. К кому мне можно обратиться по... по крайне важному вопросу?

– Ну, это смотря по какому важному вопросу, – произнес Орлов.

Мужчина помолчал, словно колебался, потом вдруг выпалил:

– Вопрос касается покушения на жизнь человека!

– Гм, – неопределенно сказал Орлов, задумавшись и бегло осматривая мужчину. Тот не был похож ни на сумасшедшего, ни на сквалыгу, заваливающего различные инстанции своими жалобами. – Что ж, из лучших оперативников могу рекомендовать Гурова Льва Ивановича. Он как раз занимается важными вопросами, касающимися жизни и смерти. Вот его кабинет. Как только он освободится, можете заходить.

И Орлов открыл дверь в кабинет Гурова. В это время раздался звонок мобильного телефона, и мужчина резко отве-

тил невидимому абоненту:

– Да, я занят! В «Аниму» поеду сразу как освобожусь. Что? Нет, сейчас никак не могу. А я говорю, что не могу! И вообще, у меня прием начинается в шесть! Ах, срочное дело... Ну хорошо, хорошо!

С раздражением мужчина выключил телефон и сокрушенно произнес в пустоту:

– Черт знает что! Срочность какая! У меня тоже могут быть срочные дела!

Орлов скрылся за дверью кабинета, плотно прикрыв ее за собой.

Лев Гуров сидел за своим столом в непринужденной позе и складывал отпечатанные с вечера документы в стопку. Его плащ аккуратно висел на плечиках, на полу в центре кабинета лежал коврик, на котором стояли ботинки Гурова, которые тот явно поставил сушиться. Однако обогреватель был выключен. Ноздри Орлова уловили запах освежителя воздуха «Морской бриз», однако в него неуловимо вплетался другой, очень уж смахивающий на запах чего-то горелого...

Орлов, ни слова не говоря, шагнул первым делом к прибору и коснулся его рукой. Обогреватель был холодный. Орлов скоился на Гурова, сидевшего с самым невозмутимым видом, подошел к его столу, сел на стул и бросил:

– Привет, Лева!

– Привет, – отозвался Гуров. – У меня отчеты все готовы, включая крячковские. Сейчас заберешь?

Орлов кивнул и осторожно полюбопытствовал:

– Лева, что тут за пожарная тревога?

– Ничего, – пожал плечами Гуров. – Пожарные приехали осмотреть проводку. Уже уехали, все в порядке.

– А почему паленым пахнет? – сощурился Орлов, принимаясь.

– Да это Крячко тут небольшой эксперимент проводил! – махнул рукой Гуров. – Ничего особенного, не бери в голову.

– Лева... – В голосе Орлова зазвучали суровые нотки. – Имей в виду – если есть какой-то грешок, лучше сразу мне доложить! Я не хочу потом оказываться козлом отпущения и получать по телефону разнос оттуда! – Орлов закатил глаза к потолку.

– Ты Господа Бога имеешь в виду? – с улыбкой поинтересовался Гуров. – У тебя с ним прямая телефонная связь? – И, видя, что Орлов намеревается что-то возразить, решительно его прервал: – Петр, послушай моего доброго совета – забудь об этой истории. Не надо тебе никаких подробностей! Ни тебе, ни нам ничего не грозит, все нормально. И давай спокойно работать. Планерка согласно расписанию?

– Разумеется, – вздохнул генерал-лейтенант. – Через пять минут в моем кабинете. Да! – спохватился Орлов. – Там тебя какой-то мужчина дожидается у кабинета. Судя по всему, у него проблемы жизненно важные. Срочных дел у тебя все равно нет? Так что можешь заняться им прямо сейчас.

– А что, на планерке я тебе не нужен? – поднял брови

Гуров.

– Да вы мне вообще с Крячко не нужны! – в сердцах бросил Орлов. – Один невроз от вас! Так что я даже рад, что этот клоун уехал вместе с пожарными! И ты занимайся своими делами, а мне на глаза лучше не попадайтесь! Экспериментаторы!

И Орлов, поднявшись со стула, решительной походкой направился к двери. Гуров проводил его молчаливым взглядом, пряча улыбку, потом подошел к коврику на полу, отогнул его угол и, рассматривая выжженное пятно на ламинате, покачал головой. Затем увидел на столе Крячко какую-то мятую тряпку и взял ее. Это оказалось его кашне, опрометчиво оставленное вчера вечером в кабинете. Именно им Крячко воспользовался, когда выдергивал шнур от обогревателя из розетки. Гуров развернул кашне. С одного края концы оплавились, и там образовалось несколько дырок.

– Ну, Станислав! – выругался Гуров. – Прикрою я тебя в следующий раз!

И, пряча досаду и гнев, швырнул кашне в мусорную корзину. Потом подошел к зеркалу, висевшему в углу, пригладил седеющие виски и вспомнил о человеке, который, по словам Орлова, дожидался его в коридоре. Однако когда Гуров выглянул туда, чтобы позвать посетителя, коридор был пуст. Полковник на всякий случай прошелся до лестницы, но и там никого не обнаружил.

«К другому, что ли, кому зашел?» – подумал он.

Однако разыскивать какого-то незнакомого человека не входило в его компетенцию, и Гуров отправился к себе, решив, что, если надо, посетитель легко может его найти. Уже открывая дверь, он боковым зрением заметил лежащий на стуле некий предмет. Поколебавшись, полковник вернулся и протянул к нему руку. Это был рекламный проспект какого-то спортивного клуба. Гуров повертел его в руке, пожал плечами и, вернувшись в кабинет, отправил в мусорку вслед за безнадежно испорченным кашне.

Глава 2

День, начавшийся для Станислава Крячко неудачно, дальше сложился лучше. В первую очередь потому, что никаких стихийных бедствий в пожарной охране не происходило. Не было срочных вызовов, и пожарные занимались тем, что сидели в своей служебной комнате, развлекаясь игрой в карты, попивая чай и кофе и рассказывая анекдоты по десятому кругу.

Крячко с Агафоновым уединились в крохотной каптерке, где им никто не мешал. Станислав, выдувая уже третью пузатую кружку чая с печеньем, вытянул ноги и блаженно произнес:

– Хорошо! Слушай, а мне у тебя определенно нравится! – с легким удивлением констатировал он. – Ни тебе погонь, ни стрельбы, ни вызовов к начальству. Красота! Может, мне тоже в пожарные податься?

– Ага, – усмехнулся Агафонов, снова доливая в электрический чайник воды и ставя его на подставку. – И будет как в том анекдоте про новоявленного пожарного. Все, говорит, отлично – и коллектив, и зарплата, и кабинет... Но вот как пожар – так хоть увольняйся!

Крячко засмеялся. Агафонов невесело хмыкнул:

– Не всегда у нас так, как сегодня, Стас. И нагоняи от начальства случаются, куда ж без них! А уж как пожар – так

и вовсе катастрофа. Бывает, жизнью рисковать приходится, это я тебе без всякого пафоса говорю. И чай гонять постоянно не получается. То один вызов, то другой... То какой-нибудь ханурик с окурком в постели заснет, а потом вся девятиэтажка полыхает. То еще какой-нибудь деятель обогреватель включит и забудет про него. Да еще и ботинки рядом поставит...

– Да-да, – рассеянно сказал Крячко. – Несознательный народ...

– Скоро смене конец, – успокоил старого приятеля Агафонов. – Куда направимся-то? Могу тебя к себе пригласить, с женой познакомлю.

– Новая жена, что ли? – поинтересовался Крячко не очень-то деликатно.

– Почему? Старая, – удивился Агафонов и тут же засмелся: – В смысле, она у меня совсем не старая и выглядит очень хорошо. На пять лет меня моложе.

– То есть это твоя первая жена? – уточнил Станислав.

– Ну да, первая, и, надеюсь, последняя. Я вообще-то поздно женился по тогдашним меркам, в двадцать восемь лет. Наши с тобой пути в то время уже почти не пересекались. Я в Алексеевском отделе тогда работал. А она к нам пришла с заявлением – сумочку у нее украли. Прямо из рук выдернули.

– И что? – заинтересованно спросил Крячко. – Нашел?

– Нашел! – удовлетворенно сообщил Агафонов. – Два

шкета сопливых, обоим по пятнадцать лет.

Неторопливо продолжая диалог, приятели шли по улице. В холодный запах мокрых листьев вмешался вкусный аромат копченой рыбы, и Крячко остановился, пригнувшись и оглядываясь по сторонам.

– О! – удовлетворенно заметил он. – Пивной бар! Давай-ка зайдем, пропустим по паре кружечек. Да и закусим заодно. А то у меня в желудке один чай плещется!

– Не только, – засмеялся Агафонов. – У тебя там еще печенье и бутербродов десятка полтора!

– Ну что ж мне, голодать, что ли, было. И потом, время уже ужинать, – смущенно пробормотал Крячко.

– Ладно, пошли, – согласился Агафонов, и приятели спустились по лестнице в полуподвальное помещение, стилизованное под старинную таверну с рыцарским названием «Круглый стол». Взяли у стойки по большой кружке светлого пива и сели за столик. Столики здесь и впрямь были круглыми, стены изнутри выложены камнем, напомиавшим булыжник, и вообще в декоре присутствовало множество камней.

Крячко с удовольствием отхлебнул пива и отломил кусок нежной, истекающей жиром скумбрии, ломтиками разложенной на широком блюде. Рыба была что надо: натурального копчения, соленая ровно настолько, насколько требовалось, к тому же очень свежая. Агафонов последовал примеру

Крячко, и они некоторое время лишь жевали и постукивали кружками.

Здесь было тепло, несмотря на полуподвальное помещение и каменный интерьер. По-видимому, это была заслуга все же мощного современного отопления, а камин с витой решеткой у стены больше выполнял декоративную функцию.

Крячко разомлел и заказал себе еще одну кружку. Агафонов справлялся с пивом и закуской не хуже его, так что перерыва не последовало. Александр рассказывал о своей семье, о жене, двух дочерях, старшая из которых уже работала врачом, а младшая училась в университете и тянула на красный диплом.

После того как Александр замолчал, настала очередь Крячко делиться своими семейными делами.

– А у меня сын и дочь, – просто сказал Станислав и добавил: – Тоже учатся, – не уточняя, как именно продвигается учеба у его отпрысков. В этом плане ему нечего было противопоставить прилежной дочери Агафонова. – А помнишь, как мы с занятий по истории марксизма сбегали пиво пить? – припомнил он молодые годы учебы в школе милиции.

– Конечно! – кивнул Агафонов. – Там еще пивная была, называлась «Родничок». Забавное название для пивной, правда?

– Точно! – подхватил Крячко. – Но пиво там было – супер! Никогда больше такого не пил. Даже в Германии! И чего его так хвалят? И колбасы-то у них искусственные какие-то, как

будто резиновые!

– Ну, национальная кухня, что поделаешь!

– Какая там национальная кухня! – поморщился Крячко. – Вот у нас на Украине – да! Вот там кухня, там тебе и колбасы, и пиво, и сосиски, и все в правильной пропорции положено, все сбалансировано! И все натуральное, заметь, а не целлофановое! Украина – единственное государство, где удалось сохранить высокое качество продуктов.

Крячко, подвыпив, заговорил на свою любимую патристическую тему. Имея украинские корни, он тем не менее был стопроцентным москвичом, поскольку его родители давным-давно поселились в столице, еще когда сюда не рвался народ со всех концов страны и ее пределов. Однако при случае любил подчеркнуть, что он «стопроцентный» хохол, хотя даже украинского языка толком не знал. Причем проявлялась эта особенность Крячко парадоксальным образом: когда он находился в компании стопроцентных россиян и кто-то из них слишком лестно проходил по украинцам, Крячко грудью вставал на защиту «ридных Вкрайны» и с презрением говорил о «москалях». Когда же он слышал чью-то речь с неповторимым украинским акцентом, в которой звучали националистические нотки в адрес тех самых «москалей», Крячко грудью вставал на защиту «родного русского народа», изо всех сил подчеркивая, что является его неотъемлемой частью. Вот так боролись в Станиславе Крячко две национальные сущности, которые, впрочем, вполне

могли бы мирно уживаться, как и оба восточнославянских народа.

После того как количество выпитых кружек перевалило за пять, дальше их уже никто не считал. Станислав лишь поворачивался в сторону бармена, кивал ему, и им молча принесли очередную порцию. Если бы так продолжалось и дальше, то Крячко с Агафоновым, сами того не заметив, уснули бы прямо за столиком. Однако всему приходит конец, как и работе пивного бара, и к одиннадцати часам бармен возвестил что заведение закрывается и всех присутствующих будут рады видеть здесь завтра начиная с десяти утра.

Крячко, не слишком довольный таким обстоятельством, хотел было договориться, чтобы остаться еще на полчаса, но Агафонов решительно воспротивился, сказав, что и так засиделся и что его жена наверняка уже волнуется. Тут у него очень кстати зазвонил сотовый телефон, и Александр, переговорив с женой, пообещал ей, что скоро вернется. Крячко, все еще имевший зуб на свою супругу и сына, не считал нужным отзваниваться им и докладывать, где задержался и почему.

«А моя Наталья не волнуется! – подумал он с досадой. – Даже не позвонит! Может, муж на спецзадании жизнью рискует!»

Крячко хмуро покосился на Агафопова и с досадой отключил свой телефон.

Они вышли из кафе. Дождь кончился, однако небо, зата-

нутое тучами, говорило о том, что это ненадолго и что завтра с утра, а может быть, и ночью, улицы Москвы снова оросятся холодными каплями.

– Эх, хорошо посидели. Даже жалко расставаться! – с сожалением сказал Крячко.

Почти напротив бара светилась заглавная буква слова «Метрополитен». Агафонов вопросительно посмотрел на Станислава.

– Давай я с тобой пройду, – сказал тот. – К тебе заходить уже поздно, я тебя провожу, поболтаем еще немного.

– Ну давай, – согласился Александр. – Пойдем через сквер. Как раз за ним мой дом. А в одном квартале от него следующая станция, там и сядешь.

Все так же неторопливо они пошли по улице. Теперь, когда дождь перестал, можно было и прогуляться. Восторг и воодушевление первых впечатлений от встречи несколько спали, теперь приятели вели неспешную беседу, не слишком бурно проявляя эмоции. Да и город в это время суток уже был спокоен и готовился ко сну.

Перед входом в сквер с левой стороны показалось недавно выстроенное двухэтажное здание, украшенное яркой вывеской «Фитнес-центр «Идеал».

– Дочка моя здесь занимается, – кивнул на вывеску Агафонов. – Четыре раза в неделю на занятия сюда ходит.

– Нравится? – спросил Крячко, просто чтобы поддержать разговор.

– Ну, не нравилось бы – не ходила, – резонно заметил Александр. – Они же знаешь как в этом возрасте – все мысли только о стройности фигуры. А она и так тоненькая как спичка, куда еще худеть?

– Все эти стандарты голливудские! – охотно поддакнул Крячко и сплюнул. – Моя тоже на фигуре помешалась. Только ей заниматься лень, так она себя диетами изводит. Неделями ничего не ест, одной травой какой-то питается! А потом жалуется – гастрит хронический! Я вот всю жизнь никаких диет не соблюдаю, а питаться стараюсь самой простой натуральной пищей, и никакого гастрита у меня в помине нет. И это при моей работе! Одним словом, щи да каша – пища наша!

– Да, только, боюсь, твоя дочка предпочтет иметь свою фигуру с гастритом в придачу, чем твою комплекцию без гастрита, – усмехнулся Агафонов и выразительно показал на зеркальный фасад фитнес-центра, в котором сейчас отчетливо отразились внушительные габариты Крячко.

Станислав смутился и невольно втянул живот, которому в последнее время стало слишком тесно под застегнутым ремнем. Агафонов заметил его телодвижения и засмеялся.

– У меня кость широкая, – оправдывался Крячко. – И вообще наследственность. И отец, и мать, и дед с бабкой всегда в теле были. А против природы разве попрешь?

– Да ладно, расслабься, ты же не девочка на выданье, – махнул рукой Агафонов.

– Да уж, бог миловал, – ворчливо произнес Крячко. – Спасибо ему, что человеком родился. А мог бы бабой!

Досада на жену еще не улеглась в душе Станислава, потому он и брюзжал сейчас в адрес женского пола в целом. Здание фитнес-центра было уже темным. Только на первом этаже слабо мерцал свет и стояла возле подъезда чья-то одинокая автомашина.

– Что, до сих пор занятия продолжаются? – спросил Крячко.

– Да, до одиннадцати. Поздно, конечно, – озабоченно проговорил Агафонов. – К тому же домой приходится через этот сквер возвращаться. А тут место пустынное. Можно, конечно, через улицу – но кто ж станет такие круги нарезать? Тем более когда тебе восемнадцать лет, ты все лучше всех на свете знаешь и с тобой, конечно же, ничего не может случиться!

– Да уж! – соглашаясь, кивнул Крячко. – Мои такие же. Оба – что сын, что дочь! Родители им вообще не указ. Я даже думаю, что они нас совсем древними считают, как динозавров. У моего сына одноклассник пару лет назад знаешь что написал в сочинении? «Это было очень давно. Настолько давно, что даже трудно себе представить – аж в тысяча девятьсот восьмидесятом году!» Как тебе такое?

Агафонов раскатисто захохотал.

– Да уж, – качая головой и утирая слезы, проговорил он. – Для них это действительно прошлый век!

– А для меня – как вчера было, – с легкой грустью заметил

Крячко. – Восьмидесятый год! Лето, Олимпиада, толпы иностранцев, смерть Высоцкого... И я сам – молодой, стройный и красивый. И уже от одного этого счастлив! Ты помнишь, как было в молодости? Нам не нужен был повод или причина, чтобы чувствовать себя счастливыми. Мы были счастливы уже от того, что молоды.

Агафонов с легким удивлением посмотрел на Крячко, который, увлеченный воспоминаниями, выглядел очень воодушевленным, и в то же время в голосе его звучала некая горечь.

– У тебя что, дома неприятности? – осторожно спросил Александр.

– Почему? – стушевался Крячко.

– Да ты вроде никогда не был склонен к сентиментальности, – пожал плечами Агафонов. – А также к философским размышлениям.

– Это опять же в молодости, – поднял палец Крячко. – А сейчас я... Сейчас я просто старею, Саня. Старею. И с особой грустью вспоминаю былые времена и начинаю гораздо сильнее ценить то, что тогда было само собой разумеющимся. Гораздо сильнее, потому что теперь лишаюсь этого.

– Да ну ладно тебе, – попытался ободрить затосковавшего приятеля Агафонов. – Не так уж мы плохи! Ты еще крепок, старик Розенбом! – Он шутливо толкнул приятеля локтем в бок.

– Ай! – притворно вскрикнул Крячко и одновременно с

его возгласом раздался тонкий пронзительный крик.

Он прозвучал настолько неожиданно и настолько синхронно совпал с возгласом Крячко, что поначалу воспринялся как пародия, насмешка, передразнивающая Станислава. Но тут крик повторился. Человек пронзительно и отчаянно заголосил:

– А-а-а! Помогите!!!

Приятели одновременно повернули головы. Крик доносился с дальнего конца сквера и был несомненно женским. Не сговариваясь, оба бросились в ту же сторону, а крик, вибрируя в воздухе, вторил беспрерывно:

– Помогите, помогите, помогите...

– Марина? – вдруг выкрикнул Агафонов, ускоряя бег.

Крик на секунду прервался, замер, потом послышался хлесткий удар, словно от упругой ветки, а затем по асфальтовой дорожке сквера гулко застучали каблуки. Агафонов, далеко обогнав Крячко, уже достиг редеющих в посадках деревьев, откуда выбежала девушка в короткой курточке и джинсах.

– Папа! – тонко вскрикнула она, бросаясь Агафонову навстречу.

Когда подоспел Крячко, Александр одной рукой прижимал к себе девушку, другой с встревоженным видом ощупывал ее лицо, на котором отражались испуг и одновременно облегчение.

– Марина, все, все, – успокаивающе говорил Агафонов. –

Все хорошо! Ты в порядке? Где больно?

– Нигде, все нормально. Он туда побежал, – неожиданно ткнула девушка дрожащим пальчиком в сторону, увидев Крячко.

Станислав, будучи опытным оперативником, уже представил по возможности себе ситуацию. Девчонка – по всей видимости, дочь Агафонова, та самая, озабоченная свой фигурой – возвращалась домой со своих занятий фитнесом, как водится, через сквер. И здесь кто-то попытался на нее напасть. Кто и с какой целью, сейчас размышлять было некогда. Кричала девчонка душераздирающе, так что вряд ли это кто-то из ее приятелей, решивший проводить девушку и по дороге вдруг потерявший контроль над собой. Да и вообще, не привык Крячко раздумывать. Он предпочитал действовать, посему, оставив Агафонова утешать дочь, рванулся в направлении, куда указывала Марина.

Он не видел его, но чувствовал – слышал удаляющиеся шаги, тяжелое дыхание убежавшего и изо всех сил старался догнать. Впереди сквозь кусты мелькала туда-сюда темная фигура. Она металась из стороны в сторону, то ли не зная, какое направление лучше выбрать, то ли пытаясь запутать догонявшего, сбить его со следа. Это, возможно, показалось бы смешным: посаженные недавно деревца были редкими и сами посадки почти прозрачными – это же не лес густой! Однако отсутствие освещения играло на руку убежавшему.

Крячко напряг силы, пытаясь сократить расстояние, и ему

это вскоре удалось. Он уже даже мог разглядеть нечеткий контур фигуры бежавшего нагнувшись вперед человека, одетого в широкий плащ.

Фигура дернулась направо, и Крячко сделал рывок в ту же сторону, уже торжествуя в душе, что ему вот-вот удастся поймать убежавшего. Он уже протянул руку, стараясь ухватить его за капюшон плаща, однако рука лишь лихорадочно шарила в воздухе. Крячко еще поднажал, рванулся вперед изо всех сил – и тут же получил сокрушительный удар в лоб, от которого у него посыпались искры из глаз.

– Ох, е! – только и смог вымолвить Станислав, резко останавливаясь и прижимая руку ко лбу.

Под пальцами набухла здоровенная шишка, но Крячко не собирался прекращать погоню. Однако он с удивлением обнаружил, что она не представляется возможной – впереди было какое-то серьезное препятствие. Крячко растерянно шарил впереди себя руками, которые натыкались на стену.

Ругаясь сквозь зубы, Станислав выдернул из кармана коробок спичек, зажег одну – торопился, нервничал, и спичка сломалась. Следующая вспыхнула, ярким огоньком осветила окрестность, и Крячко увидел, что он стоит возле кирпичной стены, увитой каким-то кустарником. И больше здесь никого не было.

Спичка обожгла пальцы, Крячко отшвырнул ее в сторону и чиркнул следующей. После этого он присел и стал внимательно приглядываться. Так и есть – внизу лаз из несколь-

ких вытасканных кирпичей. Небольшое такое неровное отверстие, но вполне пригодное для того, чтобы в него смогла пролезть узкая, худощавая фигура. Крячко сунулся в этот лаз...

Ах, если бы Станислав хотя бы по утрам делал гимнастику, как обещал себе уже который год. Если бы он действительно питался исключительно той простой натуральной пищей, которую так восхвалял, и не позволял себе на службе перекусывать многослойными гамбургерами, если бы по роду службы ему не приходилось ужинать не в семь вечера, а в два-три часа ночи, если бы он хотя бы иногда устраивал себе разгрузочные дни! Если бы...

Тогда бы он, наверное, смог протиснуться в эту лазейку. Сейчас же он едва сумел протиснуть в нее левую ногу. Досада и злость охватили Крячко. Он, полковник, опер-важняк с многолетним стажем, сейчас терпел поражение от какого-то дилетанта, и все потому, что был не в силах преодолеть столь пустяковую преграду.

Разозлившись, Станислав сделал несколько шагов назад, хорошо примерился, разбежался и, когда достиг стены, подпрыгнул и ухватился-таки руками за ее верх. Обдирая ладони, тяжело перемахнул через забор и опустился по другую сторону.

Оказался он на обычной улице. Здесь было гораздо светлее, чем в сквере, – горели фонари, по дороге двигались автомобили с включенными фарами. Крячко повертел головой

по сторонам. Никакой фигуры в плаще видно не было, а улица через десяток метров расходилась на три дороги. И на какую из них свернул убежавший тип в плаще, можно было только гадать. А гадать – дело неблагодарное и пустое.

Крячко с тоской смотрел на дорогу. Саднящая боль в ладонях вернула его к реальности. Зря он обдирал их в кровь, зря мчался за этим таинственным незнакомцем – тот легко и просто ушел от него.

– Развели как детей, – вслух проговорил Станислав так часто слышанную им во время трансляции футбольных матчей комментаторскую фразу в моменты стопроцентного проигрыша какой-либо команды.

Вздохнув, Станислав сплюнул и понуро побрел к входу в сквер. Возвращаться тем же путем, через забор, ему совершенно не хотелось.

Агафонова с дочерью он нашел по приглушенным голосам. Они сидели на скамейке, Александр накиннул на плечи дочери еще и свою куртку и, глядя ее по волосам, что-то успокаивающе говорил. Станислав подошел и хмуро опустился на скамейку рядом. Агафонов поднял на него глаза.

– Что? Ушел? – одними губами спросил он.

Крячко молча кивнул. Александр едва заметно махнул рукой – наплюй, мол. Не это главное. Но Станислав понимал, что он мог, да не просто мог – должен был схватить этого незнакомца. А теперь... Теперь надо было все же выслушать Марину.

Конечно, Станислав Крячко, как самый обыкновенный человек, был бы рад, если бы вся эта история закончилась прямо сейчас. Ну, выяснилось бы, что девчонка просто поссорилась со своим провожатым, который полез к ней со слишком настойчивыми ухаживаниями. Тот тоже погорячился. Словом, банальная история. И можно было бы с чистой совестью отправить ее с отцом домой, мягко пожуриив за легкомысленное поведение, и посоветовать впредь выбирать кавалеров и не ходить темными вечерами через сквер. Однако интуиция подсказывала Крячко, что вряд ли он отделается так легко.

Он посмотрел на Марину. Та уже несколько успокоилась, не дрожала, а сидела нахохлившись и периодически прикладывала к щеке мокрый то ли от дождя, то ли от слез платок. Присмотревшись, Крячко заметил, что щека у девушки распухла и на ней виднеется кровоподтек.

«М-да, – подумал он. – Вечер явно перестал быть томным...»

И, решившись и послав мысленно к черту все условности, проговорил:

– Марина, я давний друг твоего отца. Расскажи мне, пожалуйста, что тут произошло.

На лице Агафонова промелькнуло сомнение, но только на миг. Он крепче сжал плечо дочери и сказал:

– Да, дочь. Выкладывай: кто тебя обидел?

Девушка прижала руки к груди и растерянно сказала:

– Я сама ничего не понимаю! Я возвращалась с занятий, как всегда, через сквер...

– Так, а почему так поздно? – вдруг сдвинул брови Агафонов.

Марина покраснела:

– Я с подружкой заболталась. Проводила ее до выхода, мы постояли совсем немного, а потом я пошла домой. Все занятия уже закончились, и в фитнес-центре никого не осталось. Да в сквере и не бывает никого в это время! Я шла себе спокойно и даже не поняла, откуда он взялся!

– Кто «он»? – спросил Крячко.

– Я не знаю! Какой-то человек в плаще. Он появился неожиданно и бесшумно, сразу же схватил меня за плечо и стал тянуть на себя. А второй рукой зажал мне рот. Я сразу же дернулась и хотела побежать, но он крепко держал меня. Я изворачивалась изо всех сил, но он был очень сильный. Или мне с испугу показалось... Одним словом, я испугалась и разозлилась так сильно, что впилась в него.

– Что сделала? – переспросил Крячко удивленно.

– Ну, укусила, – слегка смутилась Марина. – Его потная ладонь так противно сжимала мне рот, и я зубами впилась в его руку. Он сразу же отдернул ее, и тут я смогла закричать. Я кричала и одновременно рвалась в сторону. И он наконец-то отпустил меня и побежал. Наверное, услышал ваши шаги. Это просто чудо какое-то, что вы оказались рядом!

– Вот именно! – с нажимом произнес Агафонов. – Ты во-

обще представляешь, что могло случиться, если бы нас – совершенно случайно! – не оказалось рядом? Ты отдаешь себе отчет?

Марина виновато захлопала ресницами:

– Но, папа, я же все время возвращаюсь домой через сквер одна. И всегда все было нормально!

– Все когда-то случается впервые, – глубокомысленно заметил Крячко. – Ты бы папу-то слушала, дочка. Родители – они иногда полезные вещи говорят.

– Значит, ты либо переносишь свои занятия на светлое время суток, либо вообще прекращаешь посещать этот центр! – категорическим тоном заявил Александр.

– Но, папа...

– Никаких «но»! – повысил голос Агафонов. – Я, кажется, почти никогда ничего не запрещал вам с Оксаной – верно? Всегда старался все объяснить и взывал к вашему благоразумию. И чаще всего это получалось. Но когда благоразумие отказывается работать, я – извини! – вынужден перейти к запретам! А твое благоразумие куда-то пропало! Ты что забыла, что здесь женщину убили?

Марина опустила голову. У Крячко имелись к ней еще вопросы, и он собирался задать их прямо сейчас, но вдруг с левой стороны послышались неуверенные шаги. Они были цокающими, как при ходьбе на тонких каблуках. И еще слышался какой-то шелест.

– Кто здесь? – зычно спросил Крячко.

На дорожке, ведущей к скамейке, на которой они расположились, показалась стройная фигура в коротком приталенном пальто.

– Простите, а что здесь происходит? – раздался женский голос.

– Подойдите сюда, – позвал Крячко, сам направляясь навстречу фигуре.

Подойдя, он увидел, женщину лет тридцати с небольшим, светловолосую, в руках она держала зонтик. Его складки колыхались на ветру, тихо шелестя. Глаза ее за очками в тонкой оправе смотрели настороженно, ноги в сапожках на высоких каблуках неуверенно переступали.

«Москвичка под зонтиком, мадонна на каблучках...» – вспомнились вдруг Крячко слова слышанной сегодня утром песни.

Женщина не была похожа на мадонну. У нее были довольно острые черты лица, хотя и приятные. Взгляд довольно строгий, а может быть, так казалось из-за очков. Светлые волосы свисали до плеч, загибаясь на концах внутрь.

– Вы кто? – в упор спросил Крячко.

– Я? – растерялась женщина, но, заметив на скамейке Марину, быстро совладала с собой и произнесла:

– Я Гордина Екатерина Викторовна, тренер.

– Вы работаете здесь? – уточнил Крячко.

– Да, – подтвердила она. – В фитнес-центре «Идеал». Я уже собиралась ехать домой, но услышала какие-то крики и

беготню. Вот и решила подойти узнать, в чем дело.

Крячко несколько секунд смотрел на нее неотрывно, потом показал рукой:

– Пройдемте, пожалуйста, ненадолго. Мне с вами побеседовать нужно.

Он достал из кармана свое удостоверение, и этот документ, кажется, окончательно успокоил Гордину, во всяком случае к скамейке она шла уже уверенной походкой.

– Марина? – невольно воскликнула она, увидев девушку. – Господи, что с тобой?

Гордина нагнулась и коснулась пальцами щеки девушки. Та поморщилась и ответила:

– На меня напал какой-то урод. Хорошо, что папа с другом как раз шли мимо и спасли меня.

– Господи, кошмар какой! – Гордина дернула острым плечом. – А... чего он хотел?

– Екатерина Викторовна, – вмешался Крячко, – Давайте сначала вы мне ответите на несколько вопросов. Во сколько у вас закончились занятия?

– В одиннадцать, – ответила Гордина.

– И народ сразу разошелся?

– Практически да. Было уже и так не слишком рано. У нас последнее занятие рассчитано на людей, которые работают допоздна и приезжают как раз к девяти часам. Многие не успевают перед этим даже заехать домой, чтобы переодеться и поужинать, так что, сами понимаете, они торопятся поско-

рее уехать. Буквально через минут семь в центре уже никого нет...

– А вы почему остались? – прищурился Крячко.

Гордина пожала плечами:

– За мной муж должен заехать. Жду с минуты на минуту.

– Понятно, – буркнул Крячко. – А есть у вас среди клиентов мужчина, который ходит в длинном плаще, похожем на балахон?

– Да вроде нет, – немного удивленно отозвалась Екатерина Викторовна. – Костя Широков, правда, носит плащ, но не балахон, а очень даже элегантный.

– Это кто? – сдвинул брови Крячко.

– Это один из наших тренеров. Но он уехал одним из первых, сразу, как закончились занятия. Я сама видела в окно, как отъезжала его машина.

– Что за машина? Назовите адрес и телефон этого Кости, – потребовал Крячко.

Он еще некоторое время беседовал с Гординой, выясняя интересующие его сведения, потом, решив, что на сегодня достаточно, разрешил ей ехать домой. Екатерина Викторовна с сочувствием посмотрела на Марину, вздохнула и поднялась.

– Надеюсь, ничего подобного больше не повторится, – проговорила она, прощаясь, и пошла к выходу, цокая своими острыми каблучками.

– А уж как я надеюсь... – пробурчал Крячко ей вслед. По-

том задумчиво посмотрел в блокнот, где был записан адрес Константина Широкова.

Проживал тот в Алтуфьево, и Крячко ну совершенно никак не улыбалось тащиться туда сейчас, посреди ночи. Собственно, он и не был уполномочен так поступать: никакого официального дела не было, и Марина, судя по всему, вообще вряд ли захочет писать какое-либо заявление. А если даже и напишет, если даже его примут и заведут дело, то его точно не поручат Станиславу. Полковник Крячко привык специализироваться на чем-то более серьезном, чем нападение молодого придурка на девушку в сквере. К тому же неудавшееся. Так что самым правильным было вообще забыть об этом инциденте, радуясь, что все в конечном итоге обошлось благополучно.

– Это был не Костя, – вдруг произнесла Марина.

– Что? – спросил Крячко.

– Я говорю – это не Костя Широков. Костя выше и крупнее. И плаща такого у него сроду не было.

– Ну, ты могла и ошибиться, – с сомнением заметил Агафонов.

– Папа! – с укором проговорила Марина. – Я же у него занимаюсь! И вообще – зачем Константину Дмитриевичу на меня нападать?

– Зачем? – Агафонов пристально уставился на дочь.

– Шут его знает, зачем, – в сторону пробормотал Крячко. – Может, и незачем. Ладно! – Он хлопнул себя ладонью

по коленке и поднялся со скамейки. – Давайте-ка, ребята, прощаться на сегодня. И Марине отоспаться надо спокойно после произошедшего, и нам с тобой завтра на службу.

– Да, – кивнул Агафонов. – Пойдемте.

Они дошли до противоположного выхода из сквера. Отец с дочерью свернули к своей девятиэтажке, а Станислав Крячко зашагал к метро. Он шагал и думал, что можно было, наверное, и не тратить время на беседу с Мариной и тренером Екатериной Гординой, потому что этот сегодняшний эпизод наверняка затеряется в круговерти ему подобных, ежедневно совершающихся в многомиллионной столице. И что можно было уже давно быть дома, напиться чаю и завалиться на диван перед телевизором. А сейчас, во втором часу ночи, уже не получится. Завтра действительно на службу, прятаться от Орлова он не собирается, да и Льва негоже оставлять одного. Так что сейчас надо добраться до дому и спать.

«А Наташка-то так и не позвонила», – подумал он о жене, сидя в чуть покачивающемся почти пустом вагоне метро.

Уже подходя к подъезду, Крячко вскинул голову и увидел, что в окнах его квартиры горит свет.

«Спиногрыз опять полуночищает! – подумал он о сыне. – А утром в институт не добудишься, будет дрыхнуть до обеда, первые две пары снова пропустит... Эх, мать!»

Старый лифт со скрежетом вознес его на нужный этаж. Крячко автоматически достал ключи из кармана и, выходя из лифта, держал их наготове, однако это оказалось лишним: не

успел он сделать шаг, как входная дверь распахнулась и Станислав увидел на пороге свою жену Наталью с крайне встревоженным лицом.

– Господи, Стас! – воскликнула супруга, потом откинулась к дверному косяку, прислонилась к нему и прижала руку к области сердца. Только тут Крячко заметил, что у нее красные воспаленные глаза, и подумал, что случилось что-то страшное.

– Что? – широко шагнул он вперед, хватая жену за плечи, но она только сглатывала слезы. Потом сказала:

– Где ты пропадал? Почему не отвечал на звонки? Я не знала что и думать! Позвонила Льву, он сказал, ты с пожарными уехал! Я все пожарные части обзвонила, все сводки о происшествиях просмотрела! А от тебя ни звука!

И она, не выдержав, закрыла глаза руками и расплакалась. И то ли оттого, что случилось это с Натальей крайне редко, то ли от осознания, что все хорошо, что все совсем не так, как он себе накрутил полувывмышленной обидой, что его не просто ждали дома, а очень даже сильно тревожились, Крячко вдруг ощутил невероятное облегчение, словно какой-то камень наконец свалился с плеч. Он торопливо взял Наталью за плечо, захлопал по нему своей широкой ладонью и быстро заговорил:

– Ну-ну-ну! Все хорошо, Натусь! Ну прости! Это я, дурак старый, телефон просто отключил, чтобы не мешали, а потом забыл включить!

– А позвонить самому нельзя было? – подняла на него Наталья заплаканные глаза.

«Можно, черт подери! Даже нужно!» – злясь на себя, подумал Крячко, тесня жену в квартиру, в тепло...

– Ну прости, прости, – повторял он. – Давай, пошли скорее домой. Я тебе обещаю – больше такое не повторится!

Он прошел в прихожую и сразу ощутил запах сердечных капель и одновременно с ним еще более острый укол совести. Сына на кухне не было, он, по словам Натальи, давно спал, так как утром рано вставать в институт. И Крячко, засыпая рядом с успокоенной женой, снова подумал: «Старый ты дурак, Станислав! И старый, и дурак!» Но подумал без горечи, а с каким-то благодостным ощущением.

Глава 3

Приехав с утра на работу на десять минут раньше, Лев Гуров с удивлением заметил, что в кабинете нет Станислава Крячко, который в последнее время завел привычку заявляться ни свет ни заря, а потом ворчать, что он работает как вол, в то время как другие валяют дурака. Гуров не понимал, с чем это связано, а Станислав на все расспросы лишь раздраженно отмахивался. Так что Гуров решил оставить его в покое.

Поэтому сегодня он был еще больше удивлен, когда Крячко появился в кабинете минут через пять после него, выглядел бодрым и свежим и, что самое невероятное, счастливым.

– Здорово, Лева! – с порога заорал он, небрежно швыряя на свой стол свежечуленную газету «Спорт-экспресс» и, конечно, промахиваясь: газета просвистела к столу Гурова.

– Чего это ты так светишься? – поймав ее на лету, спросил Лев.

– А чего мне горевать-то? – усаживаясь за свой стол, ответил Станислав. – Все отлично!

– М-да? – скептически спросил Гуров. – С каких это пор?

Станислав не успел ответить, потому что дежурный возвестил о начале планерки. А по ее окончании возвращаться к этой беседе уже не хотелось, да и некогда было. Орлов послал Гурова в какую-то контору проверить факт хищений, о

которых поступили агентурные сведения, а Крячко вынужден был отправиться с опергруппой на выезд – выяснить на месте, является ли обнаруженный сегодня на рассвете прямо на проезжей части труп криминальным. В другой раз Крячко, может, и увильнул бы от этой поездки, заявив, что не полковничье это дело, пускай сержанты разбираются, а уж если выяснят, что криминал наличествует, то он, так уж и быть, возьмется разбираться. Но сегодня настроение Крячко было приподнятым, и его обуревало желание сделать что-нибудь полезное и доброе.

Труп оказался не криминальным – просто человеку стало плохо с сердцем при переходе через улицу, отчего он и скончался на месте, упав прямо на асфальт... И Крячко даже заскучал. Когда он вернулся в кабинет, Гурова еще не было. Станислав сидел за своим столом, почитывал «Спорт-экспресс», а в голове у него почему-то крутились обстоятельства вчерашнего вечера. Хотя ничего особо серьезного в них не было, у Крячко почему-то не выходило из головы какое-то замечание.

И только когда день уже клонился к вечеру, когда «Спорт-экспресс» был прочитан от корки до корки, когда уже Гуров успел вернуться и снова уехать, Станислав вспомнил. Фраза, произнесенная Агафоновым дочери: «Ты что, забыла, что здесь женщину убили?»

Крячко не выдержал и, достав сотовый телефон, набрал номер Александра, однако тот не отвечал. Крячко заходил

по кабинету.

«Ну и что, ну и что, что убили? – вопрошал он сам себя. – Мало ли в Москве каждый день народу убивают! Ко мне-то это какое отношение имеет? Мало, что ли, своих дел по долгу службы?»

И все-таки, когда вернулся Гуров, Крячко не удержался и спросил:

– Слушай, Лева, а ты ничего не слыхал о нападении на женщин в Свиблово? Со смертельным исходом.

– Нет, – пожал плечами Гуров. – Во всяком случае, на планерке ни о чем подобном не упоминалось.

– Угу, – кивнул Крячко.

Гуров смерил его внимательным взглядом и спросил:

– Что-то случилось, Станислав?

Крячко вздохнул и честно ответил:

– Не знаю, Лева. Не знаю.

...А спустя неделю Станислав Крячко понял, что не зря он беспокоился об этой ситуации. И эпизод с Мариной Агафоновой – это не просто эпизод в череде городских происшествий, а звено в определенной цепи. Это стало ему ясно, когда генерал-лейтенант Орлов вызвал их с Гуровым в свой кабинет в неурочное время и с самым серьезным видом сообщил, что в ночь с семнадцатого на восемнадцатое ноября в сквере у Капустянского пруда был обнаружен труп молодой женщины, убитой ударом ножа в сердце. И убита она была, когда возвращалась с занятий фитнесом из центра «Иде-

ал»...

Сопоставив произошедшее с нападением на Марину Агафонову, Крячко тут же сообщил об этом факте Орлову. Генерал-лейтенант долго хмурил брови, качал головой а затем сказал то ли утвердительно, то ли вопросительно:

– По всей вероятности, в районе завелся маньяк-убийца.

Гуров и Крячко никак не прокомментировали это заявление – пока рано было делать какие-либо выводы. Орлов со вздохом стал нажимать кнопки на телефонном аппарате. Затем докладывал обстановку в министерство, выслушивал, кивал, соглашался, возражал, а в конце концов, повесив трубку, сказал:

– В связи с серьезностью преступления это дело передается в главк. То есть нам. Причем заняться им должны лучшие сыщики.

И на этот раз друзья-оперативники ничего не сказали, но теперь как раз потому, что и так все было ясно. Лучшими сыщиками в Главном управлении, как известно, были полковники Лев Гуров и Станислав Крячко.

* * *

Гуров и Крячко сидели в своем кабинете и обсуждали план работы по новому делу. Они только что вернулись с осмотра места происшествия. Убитая, молодая женщина двадцати семи лет, была обнаружена около пяти утра двор-

ником-гастарбайтером. Крячко сам побеседовал с ним. Парень по имени Гасан рассказал на ломаном русском языке, что сегодня вышел на работу, как обычно, и занялся уборкой территории, когда увидел торчавшие из кустов ноги в темно-синих джинсах. Они выступали на дорожку, а верхняя часть тела была скрыта в кустах. Дворник подошел и увидел лежащую на боку девушку.

Поначалу он подумал, что девица, перепив лишнего, просто свалилась и заснула здесь, в кустах, и стал тормошить ее за плечо. Однако она не подавала признаков жизни, и он побежал по улице, громко зовя на помощь. Впервые столкнувшись с насильственной смертью, он сам был перепуган насмерть, напрочь забыв весь набор русских слов, и только размахивал руками и лопотал что-то на родном языке, пытаясь донести до встреченных прохожих всю важность произошедшего, чем еще больше пугал их. Прохожие шарахались от полоумного кавказца, и тогда он в отчаянии выскочил на дорогу и принялся махать руками. На него наконец обратил внимание постовой, хотевший было упрятать незадачливого дворника в КПЗ, чтобы успокоился, однако Гасану удалось все-таки объяснить, что его так сильно потрясло. Постовой проследовал за ним в сквер, а уже через минуту сообщил в дежурную часть о преступлении...

Девушку звали Ирина Умецкая, ей было двадцать восемь лет, и она жила в Медведково. Установить ее личность оказалось просто, поскольку у нее при себе были документы – пас-

порт, а также рабочий пропуск. Ирина работала менеджером в крупной торговой компании «Юни-сэйл», занимавшейся продажей товаров для детей.

Эксперты работали с телом, тут же суетился кинолог с собакой, тщетно пытавшийся направить ее на след, но прошедший ночью дождь, будь он неладен, не оставлял на это надежд, и расстроенный кинолог хмурился и все подбадривал пса:

– Ну давай, Граф! Давай ищи!

– Да оставь ты его в покое! – с досадой махнул рукой Крячко, видя, что пес крутится на одном месте и виновато заглядывает своему хозяину в глаза, как бы признаваясь в собственной беспомощности.

Гуров сосредоточенно курил рядом и молчал. Он уже осмотрел труп, и пока ему сказать было нечего. Основная работа должна начаться позднее, когда эксперты скажут свое веское слово, когда удастся установить родственников, друзей и коллег погибшей, когда будут выявлены хоть какие-то свидетели.

– Если будут, – вслух невесело произнес Гуров. Капля дождя упала на сигарету, та сразу же стала тугой и противной на вкус, перестала тянуть.

– Что? – спросил Крячко.

Гуров не ответил, отшвырнул не докуренную даже до половины сигарету и повернулся к другу:

– Слушай, Стас, ты рассказывал о своем друге-пожарном,

на дочку которого напали...

– Да, Агафонов его фамилия, – перебил Крячко.

– Так вот... Тогда, неделю назад, я не слишком внимательно тебя слушал, так как не думал, что нам придется этим делом заняться. А теперь припоминаю: кажется, он говорил, что здесь недавно убили женщину?

Крячко нахмурился, подумал пару секунд и кивнул:

– Да, точно. Был такой момент.

Гуров наморщил лоб и сказал:

– Нужно поднять все районные сводки о происшествиях в этом месте. А ты позвони своему Сашке, спроси, что ему еще известно.

Крячко молча набрал номер Агафонова. Александр на этот раз ответил, правда предупредил, что говорить сейчас долго не может, и Крячко, не объясняя подробностей, договорился встретиться с ним после работы.

– Порядок, в семь вечера я с ним встречусь, – сообщил он Гурову, убирая телефон в карман. – Заодно и с дочкой его еще раз побеседую.

– Где, говоришь, он от тебя ушел? – Гуров, казалось, не слушал Крячко.

Станислав посмотрел по сторонам.

– Вон там, – наконец неуверенно махнул он рукой. – Вроде бы...

– Ты что, не помнишь точно?

– Лева, а ты побегай в потемках – я на тебя посмотрю! –

возмутился Станислав. – Да еще через кусты и по дождю!

– Ладно, не кипятись, – примирительно сказал Гуров. – Давай-ка лучше пройдемся и посмотрим.

– Ты что, надеешься там что-то найти? – удивился Крячко. – Через столько дней?

Гуров неопределенно повел головой и легонько стукнул приятеля по плечу:

– Давай-давай. Заодно разомнешься. Тебе физические упражнения не помешают, сам признаешь.

Крячко подавил вздох и пошел вслед за Гуровым. Как ни странно, лаз в заборе они нашли довольно быстро, выйдя через кусты прямо к нему.

– Вон он, – радостно показал Станислав, – а ты еще говоришь, что у меня плохая память!

Гуров не ответил. Он прошел к стене, внимательно осмотрел место, где были вынуты кирпичи. Потом посветил фонариком в сторону. Там, на влажной земле, лежали сами кирпичи, сложенные аккуратной горкой. Гуров светил фонариком по стене, оглядывая ее, потом поднял голову вверх. Постоял, подпрыгнул и ухватился за край. Повисев так полсекунды, легко перемахнул на другую сторону. Крячко не без зависти наблюдал за приятелем, у которого это получилось куда более ловко, чем у него самого неделю назад. Но повторять свой подвиг ему совсем не хотелось.

Гуров появился через пару минут сзади, такой же чистый и элегантный, как и до того, как преодолел забор. Но это во-

обще была его отличительная черта – умудряться сохранять лощеный вид при любых обстоятельствах. Крячко к этому давно привык и не удивлялся. На ходу Гуров протирал руки влажной салфеткой.

– Ну и что? – со скепсисом поинтересовался Крячко.

Гуров бросил на него мимолетный взгляд.

– Поехали в главк, – только и произнес он.

Крячко сел в машину вместе с Гуровым, и Лев повернул ключ в замке зажигания. Однако почти тотчас Гурову пришлось затормозить, поскольку прямо перед машиной он заметил серьезное препятствие. Крячко тоже высунул голову в окно. Высокий седовласый мужчина двигался им навстречу, к входу в сквер, крепко сжимая ручки большой коляски. В ней сидела девушка с отрешенным лицом. Коляска была инвалидной. Старик пристально смотрел вдаль, туда, где работала оперативная группа, хотя с этого места она была плохо различима. Машины Гурова он, казалось, не замечал, думая о чем-то своем.

– Отец, в сторонку отойди на минутку, – попросил Лев.

Старик бросил на него быстрый взгляд и еще крепче сжал ручки коляски – так, что побелели костяшки. Он ничего не сказал, лишь молча развернул коляску и покатил ее в противоположную сторону от сквера.

Гуров прибавил скорость, и автомобиль, проехав через двор, оказался на центральной улице.

А потом, когда они сидели у себя в кабинете и ждали ве-

стей от экспертов, Лев сказал:

– Если бы неделю назад ты был порасторопнее, всего этого сейчас могло и не случиться.

И снова умолк, нахмурившись. Крячко не приставал сейчас к другу. Он знал, что тому вскоре предстояло крайне неприятное занятие. Полгода назад Ирина Умецкая вышла замуж, и вот с ее мужем Гуров и должен был беседовать через полчаса в кабинете, куда тот был срочно вызван с работы.

Он появился раньше назначенного времени – парень примерно ровесник Ирины, в куртке и кепке с длинным козырьком, которую от растерянности забыл снять и сделал это только в кабинете Гурова, сев на предложенный полковником стул. Гуров смотрел на его молодое лицо, на котором еще не было отпечатка горя, а было лишь удивление и недоверие. Он еще не осознал в полной мере, что его жены больше нет. И сейчас Гурову предстояло его в этом убедить, внушить, вбить в его голову это обстоятельство раз и навсегда. Он знал, что после беседы с ним Умецкий уйдет из его кабинета с совсем другим выражением лица.

Звали его Алексей, и он послушно, механически отвечал на вопросы Гурова. Да, его жена Ирина посещала фитнес-центр «Идеал». Она стала туда ходить примерно месяц назад, потому что вообразила, что поправилась, и хотела к Новому году привести себя в форму. Так как работала Ирина допоздна, она отправлялась в фитнес-центр не заезжая

домой и возвращалась всегда поздно. Обычно муж встречал ее, но раз в неделю он сам работает в ночную смену, поэтому вчера встретить Ирину не смог. По этой же причине он не знал, что супруга его дома не ночевала. Позвонив и не дождавшись ответа, он решил, что она очень устала и легла спать. Сегодня, отдежурив смену, он уже собирался домой, когда вдруг ему позвонили и сообщили, что просят приехать в Главное управление МВД по факту гибели его жены.

«Кто, интересно, додумался сообщить ему это в такой форме? – неожиданно со злостью подумал Гуров. – «По факту гибели жены!» Обязательно выясню, кто у нас такой умный, и лично научу, как сообщать подобные вещи!»

Гуров в душе кипятился, хотя... Хотя он, проработав больше четверти века с делами об убийствах, до сих пор сам не знал, как правильно сообщать такие новости. Как ни подслащивай пилюлю, она все равно горька.

«Но не так же! – раздраженно думал полковник. – Не столь протокольно!»

А сам говорил вслух, стараясь, чтобы голос его звучал ровно, без всяких эмоций:

– Расскажите, когда вы в последний раз видели свою жену?

– Вчера, – тут же ответил Алексей. – Вчера утром, когда она уходила на работу.

Умеккий еще говорил, рассказывал о своей жизни с Ириной, об их отношениях и планах на будущее, и было во всем

этом что-то нелепое – говорить о планах человека, которого больше нет. И все планы, надежды и чаяния, все, чем еще вчера жила эта девушка, сегодня полностью лишено смысла.

Гуров выяснил, что Ирина коренная москвичка, как и ее муж, что познакомились они с Алексеем два года назад, а поженились весной, дождавшись покупки квартиры. Для этой операции родителям Ирины пришлось продать свою трешку в центре и купить двухкомнатную на окраине, родителям Алексея – расстаться с новым автомобилем, а им с Ириной еще два года копить, чтобы добавить необходимую сумму и приобрести скромную квартирку в Медведково.

Он также сообщил, что Ирина была довольна занятиями в центре «Идеал», что новых друзей у нее там не появилось, потому что прозанималась она совсем недолго, что ни о ком ничего подробно она не рассказывала и никого особенно не выделяла. Обычные занятия. То есть выходило, что человек, убивший ее, – лицо, скорее всего, случайное и ей не знакомое. Но что ему было нужно? Зачем он ее убил? И зачем убил предыдущую жертву, если, конечно, это один и тот же человек? И кто она, эта жертва? Данных по этому делу Гуров пока не получил...

Словом, ответов на эти вопросы пока не было, а их, этих вопросов, становилось все больше и больше. Гуров очень рассчитывал на сегодняшнюю встречу Крячко с приятелем, а также на результаты экспертизы и показания свидетелей. Но вот ведь заковыка – и свидетелей-то не было!

И полковник, опросив Алексея Умецкого и простившись с ним, решил отправиться в фитнес-центр «Идеал», чтобы побеседовать с персоналом и клиентами. Хотя от клиентов пока толку мало – те, что занимались вместе с Ириной, приходили на занятия вечером и через день. Значит, сегодня днем их там не будет. Что ж, придется выяснять всех поименно, просить администрацию составить полный список и беседовать с каждым по отдельности, кого-то вызывая к себе, к кому-то наведываясь на службу или домой. Словом, начиналась обычная рутинная работа.

Гуров усмехнулся, подумав, как ошибочно мнение, что вся работа сыщика-оперативника заключается только в погонях, драках и перестрелках – сплошном экшене. На деле выходило, что основная часть этой работы проходит за чтением бумаг, получением телефонограмм и в беседах со свидетелями. И от этого в большей степени зависит благоприятный результат всего процесса. А ради результата Гуров и трудился, а не ради острых ощущений, свойственных юности и неопытности.

* * *

Директора фитнес-центра «Идеал» звали Эмма Эдуардовна Гришаева. Это была высокая жгучая брюнетка, хорошо развитая физически. Было очевидно, что основная часть жизни этой весьма интересной внешне женщины была по-

священа спорту. Скорее всего, с раннего детства. Вот только для фитнеса она показалась Гурову несколько крупноватой. По его представлению, женщины, занимающиеся фитнесом, – создания легкие, даже невесомые. И само слово «фитнес» ассоциировалось у него с чем-то воздушным и прозрачным. Эмма Эдуардовна же была воплощением энергии, пышущего здоровьем и несомненной физической силы. Она поприветствовала Гурова глубоким контральто и предложила сесть. Тон ее был любезным и в то же время деловым.

– Рады вас приветствовать в нашем центре. Какое счастье, что в наше время есть мужчины, озабоченные сохранением формы, – улыбаясь, проговорила она. Она, видимо, приняла Гурова за потенциального клиента, что неудивительно: полковник не стал звонить в центр и предупреждать о своем визите. Он и сам по дороге сюда не знал, с чего начнет беседу. Директор, оказавшаяся на рабочем месте, показала ему вполне подходящей кандидатурой для попытки прощупать почву. – Впрочем, вы выглядите неплохо, – отметила она, профессиональным взглядом окидывая стройную фигуру сыщика с головы до ног. – Чувствуются регулярные тренировки. Что ж, это достойно уважения. И тем более похвально ваше желание держать себя и дальше в тонусе и обратиться к специалистам. Можете не сомневаться, мы подберем для вас индивидуальную программу, следуя которой вы уже через три недели почувствуете себя лет на пять моложе.

– Вы владеете секретом эликсира молодости? – обаятель-

но улыбнулся Гуров.

– Можно и так сказать, – серьезно ответила Гришаева. – Собственно, в секрете эликсира молодости ничего магического нет. Спорт, правильное питание – вот вам и обеспечено здоровье и долголетие. На что бы вы хотели обратить внимание – мышцы пресса, осанку, бицепсы?

Гуров промолчал, и она тут же протянула ему брошюрку, в которой были напечатаны программы, представленные фитнес-центром. Гуров небрежно взял листки, а Гришаева продолжала:

– Обычно я рекомендую начать с общеоздоровительной гимнастики и постепенно переходить на более сложную программу. Но у вас все в тонусе, вам можно не тратить время на подготовку и сразу приступать к серьезным занятиям.

– Кажется, мне знакомо название вашего центра, – чуть наморщив лоб, проговорил Гуров, припоминая.

– Ну, это не удивительно! – не без самодовольства констатировала Гришаева. – Наш центр хорошо известен, он один из лучших фитнес-центров столицы. Вы не смотрите, что он совсем новый и клиентов и сотрудников пока не так много, как хотелось бы. Мы собираемся расширяться!

– Вы только при клиентах этого не говорите, – улыбнулся Гуров.

– Почему? – удивилась Гришаева.

– Ну, подберите другую формулировку. Просто в устах директора заведения, клиенты которого, наоборот, стремят-

ся «сузиться», ваша фраза звучит пугающе... – Гуров сделал страшные глаза, а потом рассмеялся.

– Ах, это... – пробормотала Эмма Эдуардовна. – Ерунда! Вы отлично меня поняли – поймут и другие. Ладно, я буду следить за формулировками. А пока могу вам рассказать все об истории его создания и о его сотрудниках.

– Вообще-то, Эмма Эдуардовна, мне бы хотелось...

– О, не волнуйтесь! – перебила собеседника директор. – У нас все тренеры – грамотные профессионалы с опытом работы. Они моментально ориентируются, как говорится, на месте, учтут ваши особенности и разработают комплекс упражнений. Точнее, подкорректируют уже существующие. Ведь все методики специально разработаны и рассчитаны на разные возрасты, особенности организма и прочее. А нашим специалистам остается правильно подобрать курс занятий.

– Я не об этом, Эмма Эдуардовна... – попытался перейти к интересующей его теме Гуров, но Гришаева снова перебила его:

– Цены у нас не выше, чем в других подобных заведениях. А гибкая система скидок и вовсе предусматривает, чтобы оплата наших услуг не слишком ударила по вашему кошельку. К тому же повторяю: наши тренеры – опытные профессионалы, мастера своего дела, так что вы останетесь довольны результатом занятий. И потом, вы же образованный человек и понимаете, что на здоровье не стоит экономить.

«Цепкая дамочка, – отметил Гуров. – Грамотная. Зна-

ет, как развести клиента. Ненавязчиво, но в то же время неуклонно ведет его к готовности раскошелиться. Все эти этические манипуляции, говорящие «ну мы же с вами умные люди и не станем принимать всерьез такие пустяки, как лишние пять-десять тысяч, когда речь идет о здоровье». И ведь знает, куда бить: многие не в силах устоять против этого прессинга, особенно когда он осуществляется привлекательной женщиной. Кому захочется в ее глазах выглядеть необразованным жмотом? И при этом не понимают, что их просто, как в подростковом возрасте, берут на «слабо». Но на то она и хозяйка. Ее интересует результат – получение денег за свои услуги. А клиента – получить свой результат в виде обновленной фигуры. А меня как полковника МВД волнует свой результат...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.